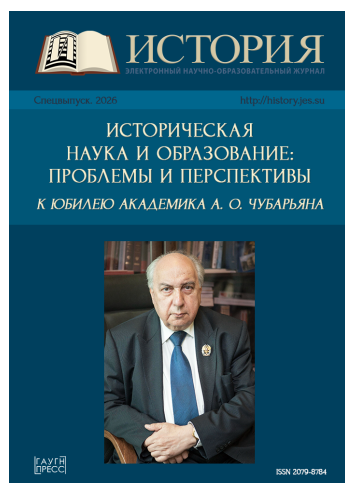

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2026

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Специальный выпуск Том 17 - Историческая наука и образование:
проблемы и перспективы. К юбилею академика А. О. Чубарьяна.
2026

От стратагемы к инфраструктуре: институционализация политической манипуляции в исторической перспективе

Логинов Андрей Викторович

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Заботкина Вера Ивановна

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Позднякова Елена Михайловна

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению понятия «политическая манипуляция» в историческом ракурсе и его отличию от смежных режимов влияния — рационального убеждения, публичной дипломатии, дипломатии угрозы и пропаганды. На основе анализа существующих дефиниций этого явления авторы формулируют рабочее определение политической манипуляции, применимое для различных периодов истории. Политическая манипуляция — это намеренное воздействие политического актора на решения, восприятие ситуации или поведение другого актора (адресата манипулятивного воздействия) при котором инициатор скрывает или маскирует существенные элементы намерения, источника, фактов, стимулов или архитектуры выбора и тем самым эксплуатирует информационную, когнитивную, эмоциональную или институциональную уязвимость адресата в интересах инициатора. Предложены восемь критериев идентификации манипуляции и шесть операциональных концептов, которые являются дополнением к ранее разработанной авторами динамичной

интегративной когнитивной модели манипуляции в медиа-дискурсе. Модель апробирована на шести исторических событиях: от эпизода из античной истории до зрелого медийного кейса периода Великой депрессии в США. Результаты показывают устойчивую структурную закономерность: в ходе истории происходит институционализация манипулятивных практик: от разовой стратагемы к системной инфраструктуре государственного и корпоративного PR.

Ключевые слова: политическая манипуляция, исторические эпизоды политического влияния, эволюция стратегий манипулирования, критерии распознавания политической манипуляции, интегративная когнитивная модель манипуляции, институционализация стратегий воздействия

Дата публикации: 14.10.2026

Источник финансирования:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00594-П «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве», реализуемого на базе Российского государственного гуманитарного университета.

Ссылка для цитирования:

Логинов А. В., Заботкина В. И., Позднякова Е. М. От стратагемы к инфраструктуре: институционализация политической манипуляции в исторической перспективе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2026. Т. 17. Специальный выпуск.

URL: <https://history.jes.su/s207987840040202-1-1/> DOI:

10.18254/S207987840040202-1

1

Введение

В философии и политической теории манипуляцию обычно отличают от рационального убеждения и принуждения: убеждение предъявляет адресату аргументы, которые он может критически оценить, тогда как принуждение опирается на угрозу наказания или ущерба. Р. Гудин задал один из ранних политологических подходов, рассматривая роль манипулятивных приемов в сфере политической этики и власти; он также сформулировал определение манипуляции, делая акцент на том, что манипуляция — это обманное влияние, осуществляемое против предполагаемой воли объекта¹.

² А. Уэр уже непосредственно связывает понятие манипуляции с демократией и властью: его статья ставит задачу эксплицировать понятие манипуляции, показать его центральность для демократической теории и объяснить отношение манипуляции к власти². В работе “On the concept of political manipulation” Г. Уитфилд дает следующее определение политической манипуляции: “An act of manipulation is any intentional attempt by an agent (A) to cause another agent (B) to will / prefer / intend / act other than what A takes B’s will,

preference or intention to be, where A does so utilizing methods that obscure and render deniable A's intentions vis à vis B"³. [Манипуляция в политике осуществляется через намеренную попытку заставить адресата хотеть, предпочесть, намереваться или действовать иначе, по сравнению с тем, что инициатор считает исходной волей, предпочтением или намерением адресата, причем с использованием методов, скрывающих цели и делающих намерения инициатора правдоподобными. Перевод наш — В. З., Е. П.]

³ Манипуляцию необходимо отличать от других режимов влияния, к которым обычно относят следующие. Рациональное убеждение осуществляется таким образом, что источник сообщения, намерение и доводы адресанта в целом сохраняются распознаваемыми, а адресат сохраняет возможность автономной оценки доводов.

⁴ Публичная дипломатия — это открытое устремление руководства и граждан разных стран по формированию доверия и сотрудничества. В частности, концепция «мягкой силы» (soft power) Дж. Ная не должна рассматриваться как манипуляция как раз потому, что сохраняется прозрачность целей инициатора и возможность критического несогласия адресата⁴.

⁵ В рамках публичной дипломатии следует рассматривать научную дипломатию. Научная дипломатия объединяет академические связи и методы межгосударственного диалога для преодоления недоверия и снижения международной конфронтации⁵.

⁶ Дипломатия угрозы (coercive diplomacy) отличается от манипуляции тем, что первая требует изменения поведения акторов в случае применения угрозы. О. Аристейду описывает такое воздействие как “forceful persuasion” (убеждение с применением силы). В таком случае воздействие на волю противника происходит под воздействием угрозы или с ограниченным применением силы⁶. Тем не менее, угроза скорее будет открытой, а адресат понимает структуру возможных издержек. С манипуляцией дипломатию угрозы сближает то, что психологическое давление на адресата может привести к возможным эмоциональным и неоправданным с точки зрения критического мышления решениям.

⁷ Пропаганда шире манипуляции: Джоветт и О’Доннелл определяют ее как преднамеренную и систематическую попытку формировать восприятие, манипулировать когнициями и направлять поведение в интересах пропагандиста. Пропаганда может быть открытой или скрытой, правдивой или ложной, что в определенных ситуациях делает ее трудно отличимой от манипуляции⁷.

⁸ Там, где применяется манипуляция, адресата побуждают принять решение через скрытое намерение, обман, асимметрию информации, эксплуатацию уязвимостей или изменение среды выбора. Говоря о манипуляции, мы не только оцениваем результат, как правило, невыгодный адресату, но и принимаем во внимание, что адресат теряет свою автономию и способность к независимому принятию решения⁸.

⁹ В публикации 2024 г. К. Даудинг и А. Опра рассматривают манипуляцию в широком контексте разнообразных способов воздействия на людей и предлагают

метод, с помощью которого можно судить о том, является ли подталкивание (nudging), правительственные нормативные акты, рекламные практики бизнеса, сообщения прессы, деятельность новых медиа, обычная риторика или политическая пропаганда манипулятивным или нет⁹. Таким образом, за последние 50 лет понимание политической манипуляции прошло путь от определения ее как обманного воздействия на субъекта до максимально широкого рассмотрения во всем многообразии процессов, связанных с воздействием на людей.

¹⁰ В работах российских специалистов последних двух десятилетий политическая манипуляция предстает как многоуровневое явление, сочетающее психологические, технологические, институциональные и коммуникативные измерения, а основные исследования нацелены на системные тенденции современного политического процесса и медиапространства. Важной проблемой становится институционализация манипуляции: когда определенные приемы становятся рутинными элементами политической коммуникации, они перестают восприниматься как искажение реальности, что усложняет противодействие им¹⁰. Ученые также обращают внимание на этические и правовые вызовы — в частности, на необходимость разработки критериев, позволяющих отличать легитимное политическое убеждение от манипулятивного воздействия, а также на дефицит механизмов общественного контроля в цифровой среде¹¹. В историческом аспекте рассматриваются политические манипуляции на материалах из истории имперской России¹², однако большая часть работ связана с анализом явления политической манипуляции в советский период¹³.

¹¹ Политическая манипуляция — это сложный социально-политический и когнитивно-психологический механизм скрытого воздействия, нацеленный на формирование у аудитории нужных установок без прямого давления¹⁴. А. В. Малько и В. В. Субочев расширяют трактовку, рассматривая политико-правовое манипулирование как междисциплинарный феномен, где манипуляция предстает как особый тип социального влияния, встроенный в институциональную структуру общества¹⁵. Среди ключевых проблем, которые выделяют исследователи, — рост латентности политических технологий, размывание границ между информированием и манипулированием, усиление поляризации общества из-за селективного потребления информации, а также снижение способности граждан к критическому восприятию политических сообщений.

¹² В основной части статьи анализируются 6 кейсов различных исторических периодов (от античности до середины XX в.), описывающих взаимоотношения государств, политических лидеров и партий, а также позиции правителей в отношении населения своих и других стран. Поэтому рабочее определение манипуляции для нашей статьи будет сформулировано конкретно для политической манипуляции, рассматриваемой в историческом контексте. Политическая манипуляция — это намеренное воздействие политического актора (правителя, государства, партии, элиты, корпорации и тому подобных) на решения, восприятие ситуации или поведение другого лидера, элиты, общества или государства, при котором инициатор скрывает или маскирует существенные элементы намерения, источника, фактов, стимулов или архитектуры выбора и тем

самым эксплуатирует информационную, когнитивную, эмоциональную или институциональную уязвимость адресата в интересах инициатора.

¹³ С опорой на данное определение были разработаны восемь критериев, применимых к предложенным историческим эпизодам (однако они могут быть применимы и к другим событиям в истории), чтобы идентифицировать их с точки зрения политической манипуляции. Это следующие критерии: сокрытие источника или спонсора; обман или фабрикация; управление когнитивной средой; эксплуатация уязвимостей; нарушение автономии адресата; подрыв институциональной устойчивости; непропорциональная информационная асимметрия; реальные политические последствия. Эти критерии отграничивают манипуляцию от режимов влияния, описанных выше. При этом перечисленные критерии позволяют фиксировать случаи, где адресат формально действует сам, а его восприятие, эмоции, доверие или процедура оценки преднамеренно сконструированы инициатором манипулятивного воздействия. Очевидно, что все восемь критериев не всегда могут быть применены к конкретному историческому событию, поэтому каждый кейс кодируется как манипулятивный по совокупности нескольких критериев.

¹⁴ В предыдущих публикациях мы представили модель, которая получила название «Динамичная интегративная когнитивная модель манипуляции в медиадискурсе»¹⁶. Эта модель включает онтологические концепты: актор, адресат, ДИКТУМ (содержание сообщения, а также имплицитные смыслы), КОНТРОЛЬ, ЛОЖЬ / ПРАВДА и этические концепты ДОВЕРИЕ (ДОВЕРЧИВОСТЬ) / НЕДОВЕРИЕ. Когнитивная модель репрезентирует в целом весь многосторонний процесс манипулятивного воздействия так, как он концептуализируется на ментальном уровне. Данная мега-модель, ее концепты, фреймы и связи между ними определяются нами как единое пространство манипуляции¹⁷.

¹⁵ Для применения интегративной когнитивной модели манипуляции в конкретной когнитивной среде (то есть для того объема знаний, который имеется о некоем историческом эпизоде) мы предлагаем систему, конкретизирующую связи и отношения концептуального уровня, принятые в едином пространстве манипуляции. Каждый кейс, на наш взгляд, целесообразно описывать, принимая во внимание следующие элементы, соотносимые с одной стороны, с концептуальным уровнем [концепты обозначены прописными буквами — В. З., Е. П.], а с другой — с конкретным историческим событием: актор-инициатор, промежуточные агенты, посредники; адресат; канал влияния, подразумевающий степень скрытости и степень ложности сообщений (ДИКТУМ, КОНТРОЛЬ); психологический механизм воздействия (ЛОЖЬ / ПРАВДА; ВОСПРИЯТИЕ ДИКТУМА, ДОВЕРИЕ (ДОВЕРЧИВОСТЬ) / НЕДОВЕРИЕ); политический результат (ПОСТЭФФЕКТ ДИКТУМА). Таким образом, для анализа исторических событий с точки зрения идентификации манипуляций будет использовано шесть концептов: инициатор — посредник — адресат — канал — механизм — результат, которые соотносятся с концептами модели манипуляции, но имеют операциональный характер. Инициатор задает цель; посредник маскирует или усиливает сообщение; адресат принимает решение или формирует отношение; канал транслирует воздействие; механизм объясняет, как именно изменяется

восприятие, эмоции или среда выбора; результат показывает политические последствия.

16

Эволюция стратегий манипулирования: от античности к современности

Данное исследование рассматривает политическую манипуляцию как исторически изменчивую, но структурно узнаваемую форму воздействия: от тайного послания в военном лагере в период античности до радиосериала, встроенного в корпоративную кампанию против государственного регулирования в годы Великой депрессии. Для античности, Византии и Ренессанса термин «политическая манипуляция» является современным аналитическим конструктом: сами акторы мыслили свои действия в категориях хитрости, доблести, благочестия, коварства, церемониала, пользы для государства, верности договору или нарушения клятвы, а не в современных терминах манипулирования с целью управления восприятием. Но именно предложенные операциональные концепты позволяют сопоставить разнородные манипулятивные или квазиманипулятивные практики, не оперируя при этом терминами современных медиа-технологий.

17

Фемистокл и Саламинская битва, 480 г. до н. э.

Классический античный эпизод — тайное сообщение, которое Фемистокл, по Геродотовой традиции, отправил Ксерксу перед Саламином, чтобы заставить персидский флот войти в узкие проливы между Саламином и Аттикой. Исторический фон был чрезвычайно напряженным: поход Ксеркса 480—479 гг. описывается как масштабная военная кампания, в которой персидская сторона рассчитывала подавить эллинское сопротивление, а греки рассчитывали получить тактическое преимущество, используя узкие проливы¹⁸. В русскоязычной реконструкции М. А. Дандамаева Фемистокл послал человека к Ксерксу, который доставил, якобы втайне от греков, сообщение, будто те собираются бежать и не вступать в бой. Поверив этому ложному сообщению, персы заняли выходы из проливов и оказались втянутыми в бой на невыгодных условиях¹⁹. Дж. Марр называет этот сюжет самой знаменитой из приписываемых Фемистоклу стратагем²⁰. Манипуляция здесь имела двойной адрес. Для персов сообщение выглядело как инсайдерская информация от греческого лидера, готового перейти на сторону царя персов; для греческой стороны сама ситуация окружения становилась психологическим принуждением к решающему бою. В. Зали показывает, что увещание Фемистокла перед Саламином в трактовке Геродота сочетает элементы эпидейктической и совещательной риторики, то есть не только сообщает, но и формирует эмоционально-нормативную готовность аудитории к действию²¹. Н. Юхневичене прямо называет Фемистокла трикстером, опираясь на Геродота: хитрости Фемистокла выходят за пределы частного обмана и приобретают геополитическое измерение, а ложное послание Ксерксу становится

способом заставить и врага, и союзников действовать в нужной ему конфигурации²².

¹⁸ По операциональным критериям это сильный кейс манипуляции. Источник и намерение скрыты: сообщение, доставленное персам, должно было выглядеть как секретная «утечка», а не как часть греческого плана. Обман очевиден: персам сообщалась ложная картина бегства греков. Когнитивная среда Ксеркса была изменена через ожидание легкой победы и страх упустить противника; уязвимостью стала самоуверенность командования персов и желание завершить кампанию решающим ударом. Стратегический выбор Ксеркса опирался на намеренно искаженную информацию. Информационная асимметрия была максимальной: Фемистокл знал реальную конфигурацию проливов и возможность использовать их как ловушку, Ксеркс — только инсценированную версию. Последствие было политически масштабным: поражение персидского флота у Саламина изменило ход греко-персидской войны и усилило значение афинской морской стратегии²³.

¹⁹ Таблица 1. Операциональные концепты, выявленные на основе анализа исторического эпизода «Фемистокл и Саламинская битва»

Инициатор	Посредник	Адресат	Канал	Механизм	Результат
Фемистокл как афинский стратег	Сикинн / доверенный раб или агент	Ксеркс и персидское командование	Тайное устное или письменное послание	Инсценировка «утечки» о бегстве греков; фрейминг возможности, на самом деле являющейся ловушкой	Персидский флот вошел в узкие проливы и потерял преимущество численности

²⁰

Константин VII и печенеги: Византия, 913—959 гг.

В De Administrando Imperio («Об управлении империей») Константин VII Порфирородный формулирует для наследника практическую программу обращения с печенегами: императору полезно желать мира с ними, заключать дружественные соглашения и договоры, ежегодно отправлять апокрисиария с дарами, брать заложников и принимать ответного посланника с почестями. Издание «Об управлении империей» в переводе Г. Г. Литаврина 1991 г. является основным научным русскоязычным текстом трактата Константина Багрянородного. Трактат является важнейшим источником по этнической, экономической, социальной и политической истории IX—X вв. Первые главы посвящены печенегам, росам, туркам, булгарам, Херсону и маршрутам византийских послов, то есть трактат — руководство по управлению пограничной средой²⁴.

²¹ Если говорить о политической манипуляции, то здесь операциональные критерии выстраиваются в другую конфигурацию. На первый план выходит управление зависимостями, статусами, страхами и выгодами. Печенеги нужны Константинополю как буфер и рычаг давления на Русь, Болгарию, венгров и Херсон. Византия управляет печенегами с помощью даров, договоров, возврата заложников. Немаловажную роль играла престижность контактов с Византийским

императором. Комментарий Константина VII «О пачинакитах» прямо указывает, что Византия стремилась через печенегов влиять на политические дела Юго-Восточной и Восточной Европы. Д. Оболенский описывает византийскую дипломатию как тонкое искусство, сочетавшее разведку, дары, религиозную пропаганду, титулы, миссии и принцип *divide et impera* для формирования зависимых союзов²⁵. М. Макинтош удачно формулирует общий принцип: византийский обман не всегда был ложью, он представлял собой «политические танцы». Такая политика в отношении печенегов позволяла формировать контроль доступа к информации, демонстрировать с помощью церемоний имперскую мощь²⁶.

²² По операциональным критериям это кейс демонстрирует манипуляции с невысокой долей прямого обмана, но с сильным вовлечением когнитивных и институциональных факторов воздействия как на печенегов, так и на сопредельные государства. Скрытность применима частично: дары и договоры открыты, но стратегическая функция печенегов как рычага против третьих сторон не обязательно раскрывается этим третьим сторонам. Основной механизм — вовлечение в отношения с печенегами различных стимулов. Управление когнитивной средой проявляется в том, что Константинополь демонстрирует себя центром распределения даров, статусов, угроз и благ. Манипуляция осуществляется в отношении сопредельных государств, поскольку для них сила печенегов является существенной уязвимостью, а Константин VII эксплуатирует эту уязвимость: он учитывает зависимость Руси от открытости путей к Константинополю; опасения Херсона, часто подвергавшегося набегам; страх Болгарии перед степной силой печенегов. Автономия печенегов сохраняется, но их решения направляются Константинополем через систему заложников, договоров и выгод. Институциональный подрыв касается внешних акторов: империя стремится встроить соседей в зависимую от ее замыслов конфигурацию. Информационная асимметрия высока, потому что сопредельные государства не обладали информацией о сговорах Византийского правителя и печенегов. Политические последствия можно оценить как выгоду для Константинополя в повышении маневренности на северном и черноморском направлениях²⁷.

²³ Таблица 2. Операциональные концепты, выявленные на основе анализа исторического эпизода «Константин VII и печенеги»

Инициатор	Посредник	Адресат	Канал	Механизм	Результат
Византийский император и центральная дипломатическая администрация	Апокрисиарии, заложники, придворный церемониал	Печенеги; косвенно Русь, Болгария, венгры и Херсон	Договоры, ежегодные посольства, дары, обмен заложниками, приграничная дипломатия	Привязка печенегов к империи и использование их как буфера и угрозы	Сдерживание соседей чужими руками и расширение маневра Константинополя

²⁴

Чезаре Борджиа и Рамиро де Орко, 1501—1502 гг.

В VII главе «Государя» Н. Макиавелли описывает, как Чезаре Борджиа, стремясь умиротворить Романью, назначил туда жестокого и энергичного Рамиро

де Орко с широкими полномочиями, а затем приказал казнить его и выставить тело на площади Чезены с колодой и окровавленным ножом; народ, по Макиавелли, остался одновременно удовлетворен и уstraшен²⁸.

²⁵ Известно, что Н. Макиавелли, дипломат и мыслитель, был сторонником сильной власти, не останавливающейся для достижения цели перед этическими принципами. Он допускал коварство, предательство и насилие ради укрепления государства²⁹. Исследование трудов Н. Макиавелли показывает, что макиавеллиевский политический субъект должен уметь казаться милосердным, верным, человечным и набожным, сохраняя готовность действовать противоположным образом, если того требует ситуация реализации властных функций³⁰.

²⁶ Б. Бьюкен трактует эпизод казни де Орко как театрализованную демонстрацию власти: жестокость сначала делегируется исполнителю, а затем исполнитель превращается в публичный объект наказания, чтобы отделить государя от ненавистных мер³¹. Манипулятивный механизм здесь визуален и аффективен. Подданным предъявляется не аргумент, а сцена: расчлененное тело, площадь, кровь, внезапное наказание. М. А. Юсим отмечает, что Макиавелли, комментируя действия К. Борджиа, подчеркивает человеческую субъективность, допускающую расхождение между действием и оценкой действия³².

²⁷ По операциональным критериям этот эпизод представляет собой инсценирование, затемняющее причинно-следственные связи. Обман проявляется в измененной картине ответственности: население видит наказание жестокого чиновника, но не видит, что его жестокость санкционировалась самим Борджиа. Когнитивная среда в отношении населения Романьи управляется через публичный спектакль справедливости: государь одновременно страшен, справедлив и очищен от вины. Эксплуатируются страх перед беспорядком, ненависть к жестокому администратору и потребность в видимом восстановлении порядка. Автономия подданных нарушается потому, что их оценка действий Борджиа формируется на основе инсценировки, а не реального положения дел. Информационная асимметрия очевидна: Борджиа знает всю последовательность делегирования и жертвоприношения, население — только инсценированный финал. Результат — краткосрочное умиротворение Романьи и классический образец управления страхом и мнением³³.

²⁸ Таблица 3. Операциональные концепты, выявленные на основе анализа исторического эпизода «Чезаре Борджиа и Рамиро де Орко»

Инициатор	Посредник	Адресат	Канал	Механизм	Результат
Чезаре Борджиа	Рамиро де Орко как делегированный исполнитель	Население Романьи и политические наблюдатели Италии	Административное назначение, репрессии, публичная казнь, визуальный спектакль	Делегирование непопулярной жестокости, затем перенос вины на исполнителя	Краткосрочное умиротворение, репутационный выигрыш Борджиа и закрепление образа справедливой силы

²⁹

Уильям Чиллингворт и мошенническая петиция «жителей Сити», 1643 г.

Английские памфлетные войны XVII в. показывают переход практик политического манипулирования к использованию массового распространения текстов. В 1643 г. роялист Уильям Чиллингворт составил мошенническую петицию, которая якобы выражала позицию «самых влиятельных жителей лондонского Сити» и вкладывала в уста лондонцев яростное осуждение парламента³⁴. Манипулятивность заключалась не только в антипарламентской риторике, а прежде всего в обманном указании источника: партийная позиция роялистского автора предьявлялась как уже существующее коллективное мнение влиятельной части жителей Лондона.

³⁰ Исторический контекст способствовал тому, чтобы подлог в виде петиции эффективно сработал. Памфлетные войны родились на почве политического конфликта, сопровождавшегося активным ростом рукописных и печатных источников. Рукописные памфлеты стали быстро создаваемыми и сравнительно дешевыми средствами политической коммуникации того времени, что отвечало потребности противоборствующих сил в привлечении сторонников³⁵. У. Уайт подчеркивает, что и роялисты, и парламентарии использовали скрытые, нечестные и обходные методы для воздействия на общественное мнение, и петиция Чиллингворта является ярким примером таких практик, представляющим сфабрикованную картину городского консенсуса³⁶.

³¹ Если обратиться к критериям идентификации политической манипуляции, мы видим довольно характерный случай. Источник информации полностью скрыт: роялистское авторство маскируется под голос авторитетных жителей Лондона. Обман и фабрикация также реализованы: коллективному субъекту (жители Сити) приписано сообщение, содержание которого полностью фальсифицировано с выгодой для целей актора. Влияние на когнитивную среду происходит через иллюзию, что парламент теряет поддержку важной городской элиты. Эксплуатация уязвимостей осуществляется с опорой на доверие к жанру петиции и политический вес состоятельных жителей Лондона. Информационная асимметрия максимальна: актор знает происхождение текста, аудитория должна видеть в нем голос влиятельных горожан. Политическое последствие состояло во вкладе данного эпизода в атмосферу делегитимизации парламента и общий кризис доверия к политическим сообщениям³⁷.

³² Таблица 4. Операциональные концепты, выявленные на основе анализа исторического эпизода «Уильям Чиллингворт и мошенническая петиция «жителей Сити»

Инициатор	Посредник	Адресат	Канал	Механизм	Результат
Уильям Чиллингворт и роялистская сторона	Мнимый коллективный субъект — «влиятельные жители лондонского Сити»	Городская и парламентская публика, читатели памфлетных изданий	Петиционная форма, рукописно-печатное распространение, памфлетная культура	Подмена авторства и использование мнимого городского консенсуса	Делегитимизация парламента и усиление недоверия к политическим сообщениям

Второй английский кейс показывает, что манипуляция печатной эпохи быстро выходит за пределы единичной подделки и становится серийной стратегией. Зимой 1642—1643 гг. парламентская провоенная фракция во главе с Джоном Пимом, поддержанная радикальными группами, стремилась сорвать или затруднить быстрый мир с королем, используя фальшиво атрибутированные публикации. У. Уайт описывает событие так: появились многочисленные поддельные и сфабрикованные публикации — декларации, речи, письма и проповеди, где титульные листы ложно указывали автора, место публикации или цель издания³⁸.

³⁴ Манипулятивная сила кампании заключалась в том, что тексты часто приписывались королю или его советникам, чтобы исподволь показать другим парламентариям неразумность быстрого мира. Подделка не просто передавала ложные сведения: она создавала образ королевской стороны как ненадежной и тем самым меняла восприятие необходимости переговоров³⁹. Так, в начале 1643 г. был распространен анонимный текст, в котором автор советовал Карлу I макиавеллиевскую стратегию: сделать вид, что он уступает парламенту, а затем постепенно устранить ограничения и отказаться от обещаний; в контексте того времени реальное следование такой стратегии представило бы Карла I как обманщика, пытающегося загнать парламентариев в ловушку, что исключало возможность взаимного компромисса.

³⁵ Этот исторический эпизод принадлежит к первым событиям в истории формирования массовой коммуникации. Дж. Херман, исследуя имперскую публичную сферу после 1695 г., показывает, что печатный канал становился не только средством информирования, но и средой борьбы за легитимность⁴⁰. На ранних этапах формирования пресса в Англии с одной стороны, расширяла участие людей в политическом обсуждении, с другой — монархи и правительства опасались роста политического участия граждан и формировали цензуру и ограничение мест издания (только Лондон, Эдинбург и Белфаст)⁴¹.

³⁶ Критерии идентификации политической манипуляции раскрываются здесь следующим образом. Источник и актор полностью скрыты: титульные листы подменяли реальных авторов. Обман и фабрикация публикаций осуществлялись систематически. Когнитивное воздействие на парламентариев вело к искажению восприятия переговоров с королем: восстановление мира осознавалось не как реальный компромисс, а как уступка королю, ведущему недобросовестную игру. Одной из основных уязвимостей парламентской стороны был страх перед королевским произволом, поляризация мнений и неготовность аудитории проверять происхождение быстро размножавшихся материалов. Подрыв институциональной стабильности налицо: атака направлена на парламент и доверие его членов результатам переговоров. Информационная асимметрия максимальна: инициаторы знают реальное происхождение и цель текстов, адресаты видят публикации с поддельными титулами. Последствия состояли в дискредитации Карла I, ослаблении позиции сторонников быстрого мира и усилении поляризации участников гражданской войны⁴².

Таблица 5. Операциональные концепты, выявленные на основе анализа исторического эпизода «Парламентская «партия войны» и фальшиво атрибутированные публикации зимы 1642—1643 гг.»

Инициатор	Посредник	Адресат	Канал	Механизм	Результат
Парламентская провоенная фракция во главе с Джоном Пимом	Печатники, памфлетисты, анонимные издатели, ложные авторы на титульных листах	Колеблющиеся парламентарии, политически активные читатели, городская аудитория	Декларации, речи, письма, проповеди, памфлеты	Фальшивая атрибуция и имитация знания о намерениях короля	Ослабление мирной линии, дискредитация Карла I и информационная поляризация

The American Family Robinson: скрытый спонсор и противодействие Новому курсу Рузвельта, 1935—1940 гг.

Исторический сюжет о радиосериале The American Family Robinson переводит манипуляцию в индустриальную медиа-среду. Программа выходила в 1935—1940 гг. и спонсировалась через National Industrial Council (NIC), созданный для того, чтобы антиправительственная активность National Association of Manufacturers (NAM) не выглядела прямой конфронтацией с Новым курсом Рузвельта⁴³. Duke University Libraries характеризует сериал как тонко завуалированный пропагандистский сериал (“thinly-veiled propaganda series”), сюжеты включали выпады против «социалистической» политики Рузвельта и похвалу низким налогам и меньшему регулированию бизнеса⁴⁴/=. =

³⁹ Использование радиовещания в этом историческом эпизоде выводит манипуляцию на принципиально новый уровень. Р. Макчесни показывает, что 1928—1935 гг. были периодом борьбы за контроль над американским вещанием, когда коммерческая модель радио консолидировалась экономически, политически и идеологически, несмотря на организованную оппозицию и аргументы реформаторов о несовместимости коммерческого вещания с демократическими коммуникационными потребностями⁴⁵. Э. Фоунс-Вулф показывает, что начиная с 1930-х гг. корпорации все активнее использовали радио для PR-кампаний: крупные фирмы спонсировали сетевые программы, финансировали комментаторов и местные передачи, поскольку радиоканал представлялся более доступным для воздействия, нежели печатный⁴⁶.

⁴⁰ Манипулятивный дизайн сериала строился на доверенных персонажах. Семья Робинсонов — добропорядочная американская семья из вымышленного Сентервилля; Люк Робинсон — редактор The Centerville Herald, а его жена Майра радиоведущая. Таким образом, манипулятивное содержание вкладывалось в уста персонажей, которые в ходе развития сюжета сериала сами формировали общественное мнение⁴⁷. W. L. Bird трактовал The Centerville Herald как собирательный образ локальных газет небольших фабричных городов, которым NAM поставляла заранее подготовленные редакционные материалы⁴⁸. В годы Великой депрессии жанр радиосериала позволял через разнообразные семейные сюжеты работать с тревогой населения, вызванной экономическим кризисом. В таких сериалах социальный конфликт переводился на язык семьи, морали и повседневности⁴⁹. Когнитивный механизм воздействия посредством сериала

заклучался в селективном умолчании NAM собственных целей и карикатуризации оппонентов. Национальная ассоциация промышленников утверждала, что свободное предпринимательство является основой американской демократии, при этом исключала из радиотрансляций роль государства в регулировании тарифов и поддержке рынка, а также роль профсоюзов в распределении плодов роста экономики⁵⁰. В годы реализации Нового курса NAM активно способствовала превращению public relations в постоянный институт корпоративной жизни и использовала его для защиты бизнеса от проекта Рузвельта⁵¹.

⁴¹ В соответствии принятыми в данном исследовании операциональными критериями данный исторический сюжет — это зрелый медийный кейс манипуляции. Скрытость источника сильная: реальным инициатором была NAM, но публичная маркировка National Industrial Council смягчала видимость прямой корпоративной атаки на Новый курс. Обман проявлялся в маскировке спонсорства и в продвижении идей NAM через семейный радиосериал, где политические тезисы подавались как здравый смысл, присущий героям. Когнитивная среда формировалась через микрокосм Сентервилля: свободное предпринимательство представлялось естественным основанием демократии, а государственное регулирование — угрозой нормальной жизни. Эксплуатировались страхи Великой депрессии, недоверие к «социализму», авторитет семьи, мораль малых городов. Информационная асимметрия была непропорциональной: NAM и NIC знали цель, структуру и производство сообщений, аудитории была представлена семейная драма. Результат: длительный доступ корпоративного актора к массовой аудитории, противодействие Новому курсу через радиостанции и соединение радио с сетью локальных газетных материалов⁵².

⁴² Таблица 6. Операциональные концепты, выявленные на основе анализа исторического эпизода «Скрытый спонсор и противодействие Новому курсу Рузвельта, 1935—1940 гг.»

Инициатор	Посредник	Адресат	Канал	Механизм	Результат
National Association of Manufacturers / НАП	National Industrial Council как фронт-организация; семья Робинсонов; Люк и Майра; сеть локальных газет	Американские радиослушатели, жители малых городов, читатели локальной прессы	Радиосериал, синдицированная радиотрансляция, фикциональная газета The Centerville Herald, редакционные материалы	Соккрытие спонсора, доверенный семейно-газетный нарратив, селективные умолчания, карикатура «социализма»	Нормализация анти-новокурсовой рамки как «здравого смысла» и укрепление корпоративной PR-инфраструктуры

⁴³

Заклучение

Шесть исторических эпизодов образуют линию усложнения процессов манипулирования с все большим распространением коммуникативного, когнитивного и психологического воздействия.

⁴⁴ В античном сюжете канал минимален — тайное сообщение через доверенного посредника, но механизм манипуляции уже частично реализован: Фемистокл создает ложную картину выбора, эксплуатирует самоуверенность

Ксеркса и использует преимущество ландшафта, тем самым превращая манипуляцию в военную победу.

⁴⁵ В стратегии Константина VII манипуляция проявляется уже не разовой хитростью, а способом правления, эксплуатирующим уязвимости соседних государств. Статус Византии как сильного государства, в том числе и за счет привлечения на свою сторону печенегов, позволяют империи влиять на поведение соседей без прямого завоевания.

⁴⁶ В историческом эпизоде казни де Орко каналом становится публичный спектакль: тело на площади действует как визуальный аргумент, одновременно производящий страх, удовлетворение и ложную атрибуцию ответственности.

⁴⁷ Английские кейсы XVII в. показывают скачок от церемониального воздействия к печатной политике. Петиция Чиллингворта использует доверие к жанру коллективного обращения; а фальшиво атрибутированные публикации парламентской «партии войны» перестраивают управление политической средой, меняя не отдельное мнение, а само понимание допустимости мира. Здесь манипуляция базируется на растущей грамотности и расширении политизации публики; скорости распространения памфлетов и газет; и в то же время на неустойчивых механизмах проверки информации.

⁴⁸ Радиокейс 1930-х гг. завершает проведенную нами сквозь века историческую линию: манипуляция становится индустриализированной, долговременной и институциональной; скрытый спонсор соединяется с фронт-организацией, доверенными персонажами, семейным жанром, синдикацией и корпоративной PR-инфраструктурой.

⁴⁹ Все проанализированные ситуации демонстрируют важный момент: актору, инициатору манипуляции необходим посредник, использование которого позволяет самому манипулятору оставаться в тени. Сикинн приносит Ксерксу «секрет»; апокрисиарий и церемониал переводят византийский интерес в язык даров и статуса; де Орко принимает на себя ненависть населения за жестокость Борджиа; «жители Сити» — этикетка тайного замысла Чиллингворта; ложные титульные листы подменяют парламентских агитаторов; семья Робинсонов и NIS смягчают агрессию NAM по отношению к Новому курсу. Меняются каналы (устное сообщение, дипломатический протокол, публичная казнь, памфлет, петиция, радио), но при этом сохраняется ядро: адресат доверяет не инициатору, а посреднику, не видя полной архитектуры манипулятивного влияния.

⁵⁰ Вторая закономерность — нарастающая институционализация. У Фемистокла манипуляция выглядит как разовая стратагема; у Константина VII — как имперская техника управления периферией; у Борджиа это театрализованная технология власти; в Англии XVII в. возникает партийно-печатная практика; в США 1930-х гг. развивается постоянная инфраструктура корпоративного PR. Таким образом, история манипуляции это не только история лжи. Это история того, как политические акторы учатся проектировать среду восприятия: кто говорит, от чьего имени, через какой канал, в какой эмоциональной форме, какие факты показываются, какие умалчиваются, и какое действие кажется адресату его собственным выбором.

Примечания:

1. Goodin R. E. Manipulatory politics. New Haven: Yale University press, 1980. P. 8.
2. Ware A. The concept of manipulation: its relation to democracy and power // *British journal of political science*. 1981. Vol. 11. No. 2. P. 163—181. DOI: 10.1017/s0007123400002556.
3. Whitfield G. On the concept of political manipulation // *European journal of political theory*. 2022. Vol. 21. No. 4. P. 783—807. DOI: 10.1177/1474885120932253. P. 786.
4. Nye J. S. Soft power and public diplomacy revisited // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2019. Vol. 14. No. 1—2. P. 7—20. DOI: 10.1163/1871191x-14101013.
5. Чубарьян А. О. Научная дипломатия. Историческая наука в моей жизни. М.: Весь Мир, 2021.
6. Aristeidou O. What is coercive diplomacy? Actors, elements and success. 2016. [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 26.07.2026).
7. Jowett G. S., O'Donnell V. What is propaganda, and how does it differ from persuasion? // *Propaganda and persuasion*. Los Angeles: Sage publications, 2019. P. 1—46. DOI: 10.4135/9781506371352.
8. Noggle R. Manipulation in politics // *Oxford research encyclopedia of politics*. 2021. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.2012; Coons C., Weber M. Manipulation: investigating the core concept and its moral status // *Manipulation: theory and practice*. 2014. P. 2—17;
9. Dowding K., Oprea A. Manipulation in politics and public policy // *Economics and philosophy*. 2024. Vol. 40. No. 3. P. 708. DOI: 10.1017/s0266267124000063.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015.
11. Строганов В. Б. Манипулятивные технологии soft power в интернете // *Научный журнал «Дискурс-пи»*. 2017. № 3—4 (28—29). С. 155—160. DOI: 10.17506/dipi.2017.2829.34.155160.
12. Елишев С. О. Исследования манипулятивного воздействия на российскую молодежь в имперский период отечественной истории // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2013. № 4. С. 112—130.
13. Ларионов Н. Н. Современные технологии политической манипуляции: история развития, теоретические подходы, практическое применение: диссертация кандидата политических наук. М., 2006.
14. Ланге О. В. Манипулятивные технологии в политике: когнитивный анализ // *Электронный журнал «Вестник МГОУ»*. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#); Шавардова Е. Ю. Принципы и особенности современного манипулирования в политике // *Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 26.07.2026).
15. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // *Психология и право*. 2021. Т. 11. № 1. С. 163—180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113.
16. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Манипулятивное воздействие на массовое сознание в историческом контексте: когнитивный аспект // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2025. Т. 16. Вып. 12 (158). Ч. I. URL: [>>>](#) DOI: 10.18254/s207987840037086-3.
17. Там же.
18. Военная кампания Ксеркса: греко-персидская война 480—479 гг. // *История.ру* [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 26.07.2026).
19. Дандамаев М. А. Саламинская битва // *Политическая история Ахеменидской державы*. М.: Наука, 1985. С. 147—153.
20. Marr J. Themistocles and the supposed second message to Xerxes: the anatomy of a legend // *Acta Classica*. 1995. Vol. 38. P. 57—69.
21. Zali I. Themistocles' exhortation before Salamis: on Herodotus 8.83 // *Greek, roman, and byzantine studies*. 2013. Vol. 53. P. 461—485.
22. Juchneviciene N. Themistocles as a trickster in Herodotus // *Melita Classica. Journal of the Malta classics association*. 2016. Vol. 3. P. 45—62.
23. Marr J. Themistocles and the supposed second message to Xerxes: the anatomy of a legend // *Acta Classica*. 1995. Vol. 38. P. 57—69.

24. Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., вступ. статья Г. Г. Литаврин; ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1991.
25. Obolensky D. Byzantium and the slavs: collected studies with a preface by Ivan Dujcev. L.: Variorum Reprints, 1971.
26. McIntosh M. A. The empire that lied to survive: Byzantine deception as crisis management. Brewminate: A Bold Blend of News and Ideas. 19.05.2026 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 26.07.2026).
27. Obolensky D. Byzantium and the slavs: collected studies with a preface by Ivan Dujcev. L.: Variorum Reprints, 1971.
28. Макиавелли Н. Государь: с комментариями и иллюстрациями: сборник. М.: АСТ, 2024.
29. Там же.
30. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
31. Buchan B. Duo pezzi in su la piazza: the death of the body politic in western political thought // South Atlantic quarterly. 2011. Vol. 110. No. 4. P. 901—915. DOI: 10.1215/00382876-1382312.
32. Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика макиавелли. Макиавелли в России. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
33. Макиавелли Н. Государь: с комментариями и иллюстрациями: сборник. М.: АСТ, 2024; Buchan B. Duo pezzi in su la piazza: the death of the body politic in western political thought // South Atlantic quarterly. 2011. Vol. 110. No. 4. P. 901—915. DOI: 10.1215/00382876-1382312.
34. White W. Fake news and forgery during the English revolution // Historical research journal. 2019 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 26.07.2026).
35. Willis H. Born from conflict: the pamphlet wars // St. Luke's museum. 2022 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 26.07.2026).
36. White W. Fake news and forgery during the English revolution // Historical research journal. 2019 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 26.07.2026).
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Herman J. The imperial public sphere: the press, publicity, and the destabilization of the British Empire, c. 1695—1765 // The historical journal. 2026. Vol. 69. No.1. P. 61—84. DOI: 10.1017/s0018246x2500010x.
41. Stuart monarchy and the invention of news [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 26.07.2026).
42. White W. Fake news and forgery during the English revolution // Historical research journal. 2019 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 26.07.2026).
43. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Идентификация когнитивных моделей манипулирования в медийном дискурсе США 30-х гг. XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: >>> DOI: 10.18254/s207987840028444-7.
44. Duke University Libraries blog [Электронный ресурс]. URL: >>>
45. McChesney R. W. Telecommunications, mass media, and democracy: the battle for the control of US broadcasting, 1928—1935. Oxford: Oxford University Press, 1995.
46. Fones-Wolf E. Creating a favorable business climate: corporations and radio broadcasting, 1934 to 1954 // Business history review. 1999. Vol. 73. No. 2. P. 221—255.
47. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Идентификация когнитивных моделей манипулирования в медийном дискурсе США 30-х гг. XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: >>> DOI: 10.18254/s207987840028444-7.
48. Bird W. L. Better living: advertising, media and the new vocabulary of business leadership, 1935—1955 // Northwestern university press. 1999. P. 53—60.
49. Loviglio J. Domestic disturbances and economic crisis: modern families on the air in the 1930s and today // Broadcasting in the 1930s: radio, television and the depression. A symposium. University of Wisconsin—Madison, 6—9 July 2010. P. 20—21.
50. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Идентификация когнитивных моделей манипулирования в медийном

дискурсе США 30-х гг. XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: >>> DOI: 10.18254/s207987840028444-7.

51. Tedlow R. S. The National Association of Manufacturers and public relations during the New Deal // Business history review. 1976. Vol. 50. No. 1. P. 25—45. DOI: 10.2307/3113573.

52. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Идентификация когнитивных моделей манипулирования в медийном дискурсе США 30-х гг. XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: >>> DOI: 10.18254/s207987840028444-7; Museum of Broadcast Communications [Электронный ресурс]. URL: >>>

Библиография:

1. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
2. Военная кампания Ксеркса: греко-персидская война 480—479 гг. // История.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://history.ru/read/articles/voennaya-kampaniya-kserksa-greko-persidskaya-voyna-480-479-godov> (дата обращения: 26.07.2026).
3. Дандамаев М. А. Саламинская битва // Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. С. 147—153.
4. Елишев С. О. Исследования манипулятивного воздействия на российскую молодежь в имперский период отечественной истории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 112—130.
5. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Идентификация когнитивных моделей манипулирования в медийном дискурсе США 30-х гг. XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028444-7-1/> DOI: 10.18254/s207987840028444-7.
6. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Манипулятивное воздействие на массовое сознание в историческом контексте: когнитивный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Вып. 12 (158). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840037086-3-1/> DOI: 10.18254/s207987840037086-3.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., вступ. статья Г. Г. Литаврин; ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1991.
9. Ланге О. В. Манипулятивные технологии в политике: когнитивный анализ // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: www.evestnik-mgou.ru
10. Ларионов Н. Н. Современные технологии политической манипуляции: история развития, теоретические подходы, практическое применение: диссертация кандидата политических наук. М., 2006.
11. Макиавелли Н. Государь: с комментариями и иллюстрациями: сборник. М.: АСТ, 2024.

12. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163—180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113.
13. Строганов В. Б. Манипулятивные технологии soft power в интернете // Научный журнал «Дискурс-пи». 2017. № 3—4 (28—29). С. 155—160. DOI: 10.17506/dipi.2017.2829.34.155160.
14. Чубарьян А. О. Научная дипломатия. Историческая наука в моей жизни. М.: Весь Мир, 2021.
15. Шавардова Е. Ю. Принципы и особенности современного манипулирования в политике // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-osobennosti-sovremennogo-manipulirovaniya-v-politike?ysclid=msimiomcg189476416> (дата обращения: 26.07.2026).
16. Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика макиавелли. Макиавелли в России. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
17. Aristeidou O. What is coercive diplomacy? Actors, elements and success. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kedisa.gr/en/what-is-coercive-diplomacy-actors-elements-and-success/> (дата обращения: 26.07.2026).
18. Bird W. L. Better living: advertising, media and the new vocabulary of business leadership, 1935—1955 // Northwestern university press. 1999. P. 53—60.
19. Buchan B. Duo pezzi in su la piazza: the death of the body politic in western political thought // South Atlantic quarterly. 2011. Vol. 110. No. 4. P. 901—915. DOI: 10.1215/00382876-1382312.
20. Coons C., Weber M. Manipulation: investigating the core concept and its moral status // Manipulation: theory and practice. 2014. P. 2—17.
21. Dowding K., Oprea A. Manipulation in politics and public policy // Economics and philosophy. 2024. Vol. 40. No. 3. P. 685—710. DOI: 10.1017/s0266267124000063.
22. Fones-Wolf E. Creating a favorable business climate: corporations and radio broadcasting, 1934 to 1954 // Business history review. 1999. Vol. 73. No. 2. P. 221—255.
23. Goodin R. E. Manipulatory politics. New Haven: Yale University press, 1980.
24. Herman J. The imperial public sphere: the press, publicity, and the destabilization of the British Empire, c. 1695—1765 // The historical journal. 2026. Vol. 69. No.1. P. 61—84. DOI: 10.1017/s0018246x2500010x.

25. Jowett G. S., O'Donnell V. What is propaganda, and how does it differ from persuasion? // *Propaganda and persuasion*. Los Angeles: Sage publications, 2019. P. 1—46. DOI: 10.4135/9781506371352.
26. Juchneviciene N. Themistocles as a trickster in Herodotus // *Melita Classica*. Journal of the Malta classics association. 2016. Vol. 3. P. 45—62.
27. Loviglio J. Domestic disturbances and economic crisis: modern families on the air in the 1930s and today // *Broadcasting in the 1930s: radio, television and the depression*. A symposium. University of Wisconsin—Madison, 6—9 July 2010. P. 20—21.
28. Marr J. Themistocles and the supposed second message to Xerxes: the anatomy of a legend // *Acta Classica*. 1995. Vol. 38. P. 57—69.
29. McChesney R. W. Telecommunications, mass media, and democracy: the battle for the control of US broadcasting, 1928—1935. Oxford: Oxford University Press, 1995.
30. McIntosh M. A. The empire that lied to survive: Byzantine deception as crisis management. *Brewminate: A Bold Blend of News and Ideas*. 19.05.2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://brewminate.com/byzantine-deception-crisis-management/> (дата обращения: 26.07.2026).
31. Noggle R. Manipulation in politics // *Oxford research encyclopedia of politics*. 2021. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.2012.
32. Nye J. S. Soft power and public diplomacy revisited // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2019. Vol. 14. No. 1—2. P. 7—20. DOI: 10.1163/1871191x-14101013.
33. Obolensky D. Byzantium and the slavs: collected studies with a preface by Ivan Dujcev. L.: Variorum Reprints, 1971.
34. Stuart monarchy and the invention of news [Электронный ресурс]. URL: <https://stuartsonline.com/resources/films/stuart-monarchy-and-the-invention-of-news/> (дата обращения: 26.07.2026).
35. Tedlow R. S. The National Association of Manufacturers and public relations during the New Deal // *Business history review*. 1976. Vol. 50. No. 1. P. 25—45. DOI: 10.2307/3113573.
36. The American family Robinson // *Reports, the National Association of Broadcasters*. 1939. Vol. 7. No. 32 (11 August). Hagley library. Series 1. Box 111. Folder: “Public Relations radio NAB reports. August 11, 1939.
37. The disinformation age: politics, technology, and disruptive communication in the United States / ed. W. Lance Bennett, S. Livingston. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 101.
38. Wall W. Inventing the American way: the politics of consensus from the New Deal to the civil rights movement. Oxford: Oxford academic books, 2008.

39. Ware A. The concept of manipulation: its relation to democracy and power // British journal of political science. 1981. Vol. 11. No. 2. P. 163—181. DOI: 10.1017/s0007123400002556.
40. White W. Fake news and forgery during the English revolution // Historical research journal. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.history.ac.uk/2019/10/fake-news-and-forgery-during-the-english-revolution/> (дата обращения: 26.07.2026).
41. Whitfield G. On the concept of political manipulation // European journal of political theory. 2022. Vol. 21. No. 4. P. 783—807. DOI: 10.1177/1474885120932253.
42. Willis H. Born from conflict: the pamphlet wars // St. Luke's museum. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://stlukesmuseum.org/edu-blog/born-from-conflict-the-pamphlet-wars/> (дата обращения: 26.07.2026).
43. Zali I. Themistocles' exhortation before Salamis: on Herodotus 8.83 // Greek, roman, and byzantine studies. 2013. Vol. 53. P. 461—485.

From Stratagem to Infrastructure: the Institutionalization of Political Manipulation in Historical Perspective

Andrey Loginov

Russian State University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

Vera Zabotkina

Russian State University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

Elena Pozdnyakova

Russian State University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article examines the concept of “political manipulation” from a historical perspective and distinguishes it from related modes of influence, including rational persuasion, public diplomacy, coercive diplomacy, and propaganda. Based on a critical analysis of existing definitions, the authors propose a working definition of political manipulation applicable across different historical periods. Political manipulation is defined as the intentional influence exerted by a political actor on the decisions, situational perceptions, or behavior of another actor (the target of manipulation), whereby the initiator conceals or obscures essential elements of intention, source, facts, incentives, or choice architecture, thereby exploiting the informational, cognitive, emotional, or institutional vulnerabilities of the target in the initiator’s interest. The study introduces eight criteria for identifying manipulation and six operational concepts that extend the authors’ previously developed dynamic integrative cognitive model of manipulation in media discourse. The model is tested on six historical cases, ranging from an episode in antiquity to a mature media case from the period of the Great Depression. The findings reveal a stable structural pattern: over time, manipulative practices undergo institutionalization, evolving from isolated stratagems into systemic infrastructures of governmental and corporate public relations.

Keywords: political manipulation, historical episodes of political influence, evolution of manipulation strategies, criteria for recognizing political manipulation, integrative cognitive model of manipulation, institutionalization of influence strategies

Publication date: 14.10.2026

Citation link:

Loginov A., Zabotkina V., Pozdnyakova E. From Stratagem to Infrastructure: the Institutionalization of Political Manipulation in Historical Perspective // ISTORIYA. 2026. Vol. 17. Special Issue. URL: <https://history.jes.su/s207987840040202-1-1/> DOI: 10.18254/S207987840040202-1

